

ЛЕДЯНОЙ
РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
ТРИЛЛЕР

НИКОЛАЙ ОБОДНИКОВ

**СИРЕНЬ
АМАЯ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-21

Ободников, Николай Николаевич.

О-21 Сирены Амая / Николай Ободников. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с. — (Ледяной триллер. Русский фантастический роман).

ISBN 978-5-04-189120-6

На побережье Белого моря обнаружено изуродованное тело молодой девушки. Кажется, неизвестный убийца в своей жестокости превзошел всех маньяков: вырезанные груди, зашитая промежность, на ногах не хватает сразу трех пальцев — явно генетическое уродство. Вдобавок бедра и руки испещрены непонятными буквами, похожими на те, что оставляют ножом на коре деревьев...

Следователь Симо Ильвес предполагает, что это ритуальное убийство. И совершить его могли на расположенном неподалеку острове Сирены Амая, где до этого не бывал никто из цивилизованных людей. В предполагаемое логово разгадать тайну гибели несчастной девушки отправляется смешанная группа — следователь, опер, криминалист, ученый-религиовед и патологоанатом.

Берег встретил их зловещей тишиной. Но уже в следующую секунду ступившие на чужую землю поняли, что попали в совершенно незнакомый и явно враждебный мир. Мир, в котором смерть — не самое страшное из зол...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189120-6

© Ободников Н.Н., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть I

БЕРЕГА

1. НАКАЗАНИЕ АННЕЛИ

Марьятту пошатывало от усталости. Временами перед глазами вставал образ двух зеленых холмов, способных накормить стада овец, а потом с неба начинало изливаться пламя и холмы вскипали. Затем они проваливались, и на их месте возникала огненная шахта, уводившая в недра земли.

В груди вспыхнули два очага боли, и Марьятта застонала. Действие обезболивающего заканчивалось. В голове пронеслась безумная, но правдивая мысль: Красный Амай следит за ней тысячами глаз, прислушивается к ее дыханию. К счастью, глаза, которые могли бы обнаружить ее грех слабости, были обращены в другую сторону.

На небольшом деревянном помосте кричала Аннели, одна из немногих в общине, чье лицо было ровным, как крылья бабочки. Ее прерывистый вопль, походивший на стон рожавшего в муках животного, разрывал ночные звуки тайги и, отражаясь от камней, уходил в звездное небо.

В отблесках факелов было видно, как Аннели, голую и безгрудую, удерживают две фигуры в черных рясах.

Секунда-другая, и девушку поднимут на плечи, ее похоронное ложе.

«Камни — ваши матери! Они же вас и прихлопнут!» Марьятта едва сдерживала себя, но это не мешало ей кричать в своем внутреннем мире. В глазах все расплывалось, и она быстро протерла их ладонью.

За помостом и под ним сгушалась тьма. Марьятта знала, что там находится огромная дыра в скальном массиве, ведущая прямоком в живот их бога. Дыра так и называлась — Глотка Амая. Да и могла ли по-другому называться пасть, не ведавшая никакого насыщения?

Крики несчастной Аннели сменились захлебывающейся отрыжкой, и ее стошнило кровью. Такое нередко случалось, когда желудок был заполнен пищей. В таких случаях бусины, прежде чем обжечь внутренности и прикипеть к ним, выталкивали наружу все лишнее. Как правило, вместе с кровью.

Джакко и Димитрий зашептались, вытягивая шеи, и Марьятта ощутила злорадство. Ей было жаль Аннели, но она хотела, чтобы все пошло не по плану. И если уж земля не провалится, чтобы сожрать всех, то пускай хотя бы это крошечное отклонение досадит остальным. Одна из фигур присела и принялась шарить пальцами по крови, исторгнутой Аннели. Наконец показала, что все в порядке.

Люди, казавшиеся призраками в оранжевой тьме, оживились. Марьятта не видела лиц, не желала смотреть на них, но догадывалась, что сумасшедшая радость превращала улыбки в оскалы, а глаза — в горящие угли. Даже дети напоминали крошечных истуканов, впавших в ночной безумный раж.

Справа колыхнулись черные ленты широкополой шляпы, и Марьятта беззвучно ахнула. Вирпи, одна из страшнейших женщин общины, стояла совсем рядом. Навеваемый ею страх происходил от осознания того, *чем именно* она занималась в сарайчике со странным и бессмысленным названием.

Вирпи запрокинула голову и тяжело задышала; глаза выкатились, губы задрожали, выталкивая бессвязные слова благодарности. Это состояние иступления, будто по цепи, передалось остальным, и вскоре Марьятта, едва не съеживаясь от ужаса, очутилась в центре бормочущей толпы. Ритуал впервые вызывал у нее такое отвращение.

Аннели испустила крик, который с уверенностью можно было назвать воплем яростной обиды.

— Я просто хотела другой жизни! — прорыдала она.

Ее голос, словно длинная игла, уколол мозг прямо сквозь череп. По крайней мере, такое ощущение возникло у Марьятты. Но куда важнее было то, что она распознала в этом рыдании. Ересь. Слабость, облеченную в слова. А еще мечту, которую убивали на глазах нескольких десятков человек.

От группки фигур в рясах, обособленно стоявшей у помоста, отделилась самая высокая. Антеро. Если кто-то и должен был ответить вероотступнице, так это старейшина.

— А ты попроси о другой жизни *лично*, — посоветовал он, обращаясь к Аннели. — Только говори громче, экотаон: чтобы *Он* тебя услышал. А еще лучше — вопи об этом.

В груди Марьятты все замерло, кровь будто смерзлась от страха. Из дыры выползало тяжелое и мощное дыхание.

А потом оттуда рванул рев.

Сперва он напоминал протяжный выдох, несший в себе простейший звук, который мог исторгнуть даже новорожденный. Затем звук трансформировался в нечто визгливое и настолько глубокое, что оно могло принадлежать только древнему существу, выражавшему ярость где-то глубоко под тоннами земли.

Несколько рук встряхнули Аннели, на мгновение приглушив ее рыдания, и подняли. Марьятта, единственная, кто не запрокинул голову в экстазе, в последний раз посмотрела на эту маленькую девушку, лишенную даже права называться женщиной.

Тени от факелов вздрогнули, когда те же руки сбросили жертву в ревущую глотку земли.

Истошный и безобразный крик Аннели, в котором не было ни красоты, ни благородства, лишь животный страх смерти, парализовал Марьятту. Она замотала головой, размазывая ладонями по лицу слезы.

Вопль Аннели сменился звуком, какой обычно бывает, если резко приложиться грудью о препятствие, а потом и вовсе стих. Амай не церемонился с отступниками. Подземный рев стихал, говоря об удовлетворении его обладателя.

Члены общины один за другим расходились, исчезали в ночной тайге. Но едва ли кто-либо из них осознавал собственную ничтожность или уродство. Огни факелов разбрасывали острые тени. Где-то на западе завывла дыра поменьше. Нет, бог на сегодня сыт. Он просто напоминал о себе — этим жутким воем в ночи.

Побрела со всеми и Марьятта, спотыкаясь в темноте. В груди двумя змейками, свернувшимися в клубок, пульсировала боль. У нее еще оставался кеторол. По-

следний блистер с убийцами боли. Но что будет, когда и он закончится? Да ничего нового. Придется опять посмотреть в глаза той, что продолжала резать и резать, несмотря на все крики и увещания.

Ладони сами собой сжались в кулаки, и Марьятта тихо, сквозь слезы, рассмеялась.

2. НАХОДКА ПИКУЛЯ

Вид пса, с лаем носившегося за чайками, мог вызвать улыбку у кого угодно, но только не у человека, собиравшегося позвать собаку по имени, которое сложно было назвать собачьим. Спрятав нос в воротник стеганой куртки, Антон Юрченко, больше известный на работе как Юрч, еще раз огляделся. Коттеджи и многоэтажки Пираостровска, оставшиеся вдалеке и ставшие добычей утренней хмари, утверждали, что никто ничего не услышит. Прибой также клялся в том, что звук будет погашен в радиусе двадцати-тридцати метров.

Море, редкие острова и небо напоминали монохромную картинку, и только по каменистому берегу сновало яркое тигровое пятнышко. Пес породы басенджи напоминал точку от исполинской лазерной указки, которой забавлялся какой-то шутник, сидевший на черно-серых облаках.

— Господи, ну за что мне это? — Юрч покачал головой, проклиная собственную мягкотелость.

Пес объявился в его жизни около пяти месяцев назад — возник вместе с датой календаря, утверждавшей, что не худо бы девочке на свое десятилетие получить стоящий подарок. Бог — свидетель, Юрч любил дочь

и потому купился на все эти уговоры, гарантировавшие, что собака будет бременем юной леди с косичками.

— Ну и кто теперь идиот? — пробормотал он. Еще раз удостоверился, что на берегу только он, пес да сумасшедшие чайки, затеявшие склоку чуть впереди. — Пикуль! Пикуль, черт возьми! Ко мне, полосатая ты труба на ножках!

Пес поднял голову, гавкнул и продолжил распуговать птиц.

Чертыхнувшись, Юрч сунул озябшие руки под мышки и побрел к собаке. Пикуль. До чего же нелепое имечко для собаки. Особенно для кобеля! Лишь по этой причине Юрч вот уже второй месяц выгуливал пса на берегу Белого моря.

Много ли можно вытерпеть снисходительных улыбок, так и говоривших, что кличку придумал именно он, Антон Юрченко, а не его дочь? Что вы говорите? Десятилетняя крошка наградила питомца таким прозвищем? Ну что вы. Оно больше походит на мечту выпивохи... коим Юрч себя, конечно же, не считал, хоть и признавал достоинства маринованной закуски.

О писателе по фамилии Пикуль, авторе исторических и военных книг советских времен, он, на беду, не знал. Как и не знал о том, что пикули, они же — маринованная закуска, пишутся исключительно во множественном числе.

Как бы то ни было, факт оставался фактом. Дочь дала псу кличку, а отдуваться и краснеть за нее приходилось Юрчу.

— Пикуль! — взревел он. Раздражение поднималось к горлу кислой пеной, и кислота в глотке начала жечь с утроенной силой.

Басенджи наконец-то распугал всех чаек и теперь с удивлением смотрел, как голова и левая рука объекта, пробудившего интерес птиц, полощется в темной волне.

Голова трупа качнулась, челюсть приоткрылась, и пес с повизгиванием бросился к хозяину.

Возможно, в другой момент Юрч и оценил бы то, что пес ищет у него защиты, но сейчас всем его вниманием завладела мертвая девушка. На какой-то миг этот сорокалетний мужчина, резко постаревший, застыл, а потом подхватил скулившего пса на руки и осторожными шагами направился к мертвецу.

— Тише, Пикуль, успокойся. Да уймись же ты, ради бога! Мы просто убедимся, что тетя не может встать сама, хорошо?

В следующую секунду Юрч засомневался в правдивости собственных слов. Мертвец будто бы пытался ввести стороннего наблюдателя в заблуждение относительно своего пола: короткая стрижка, наполовину зарубцевавшиеся раны в области груди, в лобковых волосах — все казалось сжатым и перекрученным.

Но это была девушка. Об этом говорило все: от широких бедер до типично женского расположения жирка — на талии, ляжках и, вероятно, ягодицах. Вдобавок нагую и юную покойницу покрывали раны столь глубокие, что они походили на следы от ударов штыковой лопатой. Многие участки кожи на животе благодаря холодной воде превратились в тонкие красные кружева.

Но даже эти повреждения не могли скрыть явного уродства неизвестной. Юрч вдруг понял, что если он сейчас же не отведет глаз, то навсегда запомнит эти чудовищные ступни и приветливое помахивание левой

рукой. «Привет-привет, я приду к тебе в кошмарах, Антоша! Там мы помашем друг другу ручкой, а потом я откушу от тебя маленький кусочек».

— Господи, нет! — Юрч резко отвернулся.

Еще до того, как вызвать полицию, он внимательно посмотрел на время и дату календаря на смартфоне. Их стоило запомнить хотя бы потому, что сегодня, двадцать шестого апреля, в половине девятого, он нашел свой первый в жизни труп.

3. ИСТОРИЯ ШОКИРУЮЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ (СТР. 4)

Из книги «Сирены Амая: история шокирующего расследования», Ярослав Доргун, издательство «Черная Древесина», 2023 г., страница 4

«Память мира — все равно что глина.

Незначительные события, вроде пожаров, обрушения домов или авиакатастроф, оставляют на глине едва заметный след. Проходит мгновение — перст судьбы смазывает их, и на глину памяти вписывается нечто посущественнее. Безусловно, войны и вооруженные конфликты навсегда оставят в глине глубокий след, но есть вещи, которые будут лишь на ее поверхности.

Например, история того же Чикатило, жестокого серийного убийцы, лишившего жизни свыше пятидесяти человек на почве собственных сексуальных расстройств, способная вызвать омерзение практически у любого здравомыслящего человека. Загадочное появ-

ление пары десятков кроссовок с человеческой ступней внутри каждой, обнаруженных в 2007 году на побережье моря Селиш, также останутся на глине памяти.

К слову, отмечу, что в последнем случае виновными оказались не пришельцы или картавые маньяки из глубинки, а обыкновенные креветки, питавшиеся утопленниками. Кто бы знал, что ракообразные в восторге от вкуса наших тел! Цинично, правда?

Следов на глине — множество, и некоторые из них поистине шокирующие. И обстоятельства, в которых оказалась следственно-оперативная группа “Архипелаг”, можно смело отнести к таковым — шокирующим и, без сомнения, чудовищным.

Эта книга представляет собой наиболее полную версию событий, случившихся 27 апреля 2023 года на Сиренах Амая, одном из островов Онежской губы. И события эти настолько ужасающие и невероятные, что поверить в них практически невозможно. Только благодаря неоспоримым доказательствам, коими, как ни прискорбно, выступают тела жертв, можно принудить разум уверовать в подобные злодеяния.

Здесь читатель найдет абсолютно все об этом деле: от сомнительной истории одного из специалистов Корпуса военных топографов, случившейся в 1920 году, до настоящего времени, когда 26 апреля 2023-го Белое море, близ поселка Пираостровск, вытолкнуло из холодных недр труп неизвестной.

Именно загадки обнаруженного тела привели к событиям, вследствие которых погибли 153 человека, включая пятерых членов следственно-оперативной группы, а один из двух выживших “Архипелага” попал под прицелы судебной и правоохранительной систем.

Речь пойдет не только об организованных и чрезвычайно жестоких убийствах, совершенных на религиозной почве, но и о том, что осталось за кулисами событий, произошедших на острове Сирены Амая. И, конечно же, читатель получит ответ на главный вопрос.

Каким богом будет человек, оказавшийся на грани смерти?»

4. ХОЛОДНЫЙ ПЛЯЖ

Волны вдалеке казались свинцовыми и твердыми; нырни в такую — и раскroiшь себе череп. Солнце, походившее на линзу мутного прожектора, едва грело, и Симо пожалел, что не сумел подъехать ближе. Комфортная «Хендэ Крета» осталась позади, вместе с прочим служебным транспортом, который не сумел преодолеть каменистый ландшафт дикого пляжа.

От мысли о прокуренном салоне брошенной машины во рту Симо пересохло, и он сунул в рот никотиновую жвачку, ненавидя каждого, кто мог курить без кашля. Идти по скользким камням было неудобно, поскольку приходилось смотреть не только под ноги, чтобы не поскользнуться, но и по сторонам в поисках улик. Но что, скажите на милость, можно найти на пустынном берегу, от которого, казалось, отворачивалось даже солнце?

Тем не менее Симо не оставлял попыток обнаружить хоть что-нибудь. Это была полезная привычка, в отличие от того же курения, и отказ от нее означал бы отказ от сути профессии — расследовать. Когда до берега, покрытого камешками и пеной, осталось не

более тридцати метров, Симо испытал мрачное удовлетворение, увидев работавшую следственно-оперативную группу.

Слева участковый уполномоченный Владислав Терехов опрашивал какого-то мужичка с забавной собачонкой на руках. Бледный участковый хмурился, записывал что-то в блокнотик и зачем-то смотрел на пса. Сам хозяин собаки выглядел опустошенным и испуганным.

Прямо по курсу, присев на корточки у самой воды, над трупом корпела Лина Щурова, серьезный эксперт-криминалист, в присутствии которого даже камни могли ощутить себя весельчаками. Но к ней покамест идти не стоило, если, конечно, не терпелось взяться за бумажную работу.

По правую руку от места происшествия торчал Назар Евсеев. К нему-то Симо и направился. Он не исключал, что свою роль в выборе собеседника сыграл огонек сигареты. Вот они на пару и покурят. Назар — свой «Винстон», а Симо — свою жвачку.

Старший оперуполномоченный курил, кутаясь в легкую куртку. Лицо и кожа на шее пошли красными пятнами от холода. Левая нога нетерпеливо постукивала. Только острый взгляд был ветру не по зубам.

— Что, бодрит? — спросил Симо, протягивая руку.

— До синевы. — Назар ответил на рукопожатие и чуть дольше, чем следовало бы, подержал руку следователя в своей руке, наслаждаясь ее теплом. В который раз пожалел, что поставил мобильность выше собственного здоровья. — Что с головой?

Рука Симо метнулась к крошечному порезу. Для своих сорока одного у него еще оставалось прилично волос, чтобы он каждый третий день сбрасывал редкие волоски,

оповещавшие о том, что полное облысение не за горами. И так же часто он резался, если спешил. Как сегодня.

Не дождавшись ответа, Назар произнес:

— Я бы предпочел, чтобы эту недодевку прибило к финской бане. Желательно напрямиком в сауну.

— «Недодевку»?

— Да. Господи, и не надо на меня так тарашиться. Лучше сам взгляни. — Назар поднес сигарету ко рту, но рука дрожала и траектория сигареты вышла кривой. Губы едва успели подхватить ее.

Оставив Назара докуривать, Симо зашагал к кромке воды, направляясь к Лине. Рядом с ней, на вполне удобном, хоть и мокром камне лежал открытый криминалистический чемоданчик. Профессиональный цифровой фотоаппарат, который криминалист достала из кейса, зажужжал, когда женщина включила его.

— Привет, Лина. — Симо вынул изо рта никотиновую жвачку и понял, что не может ее выкинуть на месте преступления, иначе может сделать из нее ненароком улику.

Заметив его замешательство, Лина полезла в чемоданчик и подала пустой пластиковый пакетик, куда обычно помещали всякие крохотные частицы, такие как волосы или лоскутки кожи. Симо кивнул и, сплюнув жвачку в пакетик, убрал ее в боковой карман твидового пальто.

— Время — семь минут десятого, — сказала Лина, мельком взглянув на наручные часы. — Температура воды — один градус; температура воздуха — плюс четыре.

— Погоди-погоди. — Симо вынул из-под мышки папку и достал из нее пустой протокол осмотра места

происшествия. Приготовил авторучку. — Ну, давай, пришпоривай.

Лина терпеливо повторила сказанное, добавив к этому скорость течения, и сделала первый снимок. Эту плотную сорокатрехлетнюю женщину в теплой синей курточке с надписью «Криминалистический отдел ОМВД России по Кемскому району» Симо уважал едва ли не больше остальных. Да, Лина имела скверный характер, отрицавший такие вещи, как юмор и жизнерадостность, но тем не менее она была настоящим профессионалом.

Немного поразмыслив, Симо пришел к выводу, что он и сам не без странностей.

Например, он так и не взглянул на труп, хотя тот маячил прямо перед глазами. Некая жилка вынуждала следователя отсрочить момент знакомства с мертвецом. Оказавшись на месте преступления, Симо первым делом изучал эмоции окружающих людей, в том числе коллег. Потому что улику можно скрыть или подбросить, но настоящую эмоцию, пока ее не замяли, — никогда.

— Труп — молодой женщины, — продолжила Лина, делая еще несколько снимков. — Лет пятнадцати-шестнадцати. Лицом вверх. Левая рука и голова находятся в водоеме.

На этот раз Симо обратил внимание на тело и едва не выронил авторучку.

На зыбкой границе берега и моря лежала девочка-подросток с лицом цвета подгнившего лимона. Тело покрывали глубокие раны; с правого бока свисал особо крупный бледно-розовый ломоть. Кожу бедер и рук покрывали красноватые буквы, похожие на те, что

оставляют с помощью ножа на деревьях и скамейках влюбленные.

Но не это привело Симо в состояние шока. Его разум выхватил три детали.

Первая — груди девушки были начисто срезаны. Рубцы напоминали плохо стянувшиеся кратеры.

Вторая — из промежности неизвестной торчала нитка, напоминая крошечную антенку. Не прилипла, а именно торчала — Симо сразу это понял.

И третья деталь — ноги девушки заканчивались ступнями, не имевшими сразу трех пальцев на каждой. К ужасу Симо, это уродство явно было генетическим. Девушка словно одолжила ноги у страуса.

— Господи боже! — прошептал Симо.

Это объясняло странную молчаливость Назара, который зачастую путался у всех под ногами, требуя немедленных действий, и бледные лица Терехова и мужичка в стеганой куртке. Нормальными выглядели только собака и Лина. Да еще медики, тащившие от дороги носилки и черный пластиковый мешок, пребывали в блаженном неведении.

Кое-как уняв волнение, Симо перевел взгляд на протокол и вывел: «Предметы, удерживающие тело на плаву и/или способствующие погружению, — отсутствуют. Одежда и обувь — отсутствуют».

Вернув фотоаппарат в чемоданчик, Лина надела белые латексные перчатки. Затем она отвела правую руку трупа в сторону и заглянула в подмышечную впадину, потом подвергла осмотру короткие черные волосы девушки. Запустила пальцы в пушок на лобке.

— При поверхностном обследовании наслоений, вызванных длительным пребыванием в водоеме,

не обнаружено. Паразиты человека также не обнаружены.

Демонстрируя прилежание, Симо записал вывод криминалиста и в который раз подумал, что сказать «вошь» не так уж и сложно.

— Под ногтями чисто. Кожные покровы преимущественно бледно-фиолетовые. Мелкая мацерация ороговевших участков кожи. Молочные железы отсутствуют. Многочисленные раны в области рук, живота и ног. В отверстиях носа и рта мелкопузырчатая белая пена.

— Что за пена? — спросил Симо.

Оставив вопрос без ответа, Лина села у ног трупа и бесстыдно заглянула между ними. Прощлась пальцами, натянутыми в латекс, по вульве. Симо уже знал, что сейчас сообщит криминалист.

— Внешние половые губы сшиты шовной нитью. Стежки аккуратные, хирургические. Чуть разошлись. — Лина перевела взгляд ниже. — Имеется дефект ступней. Деф... деф...

— Ты в порядке?

Во взгляде Лины сверкнуло и погасло нечто похожее на алчность, будто при виде горшочка с золотом. Но это случилось слишком быстро, чтобы Симо успел проанализировать хоть что-либо. Поэтому он просто повторил вопрос:

— Лина, ты в порядке? Заметила еще что-то?

— Нет. Ерунда. Показалось. — Она распрямилась и потянулась к чемоданчику за пустой пол-литровой банкой с каучуковой пробкой, чтобы взять воду для анализа. — Предварительное время пребывания трупа в воде — не больше суток. Точнее скажет только вскрытие.

За время работы Симо повидал всякого, даже десятилетнюю девочку, смеявшуюся после того, как она натерла лицо спящей матери бензином и подожгла. Утопленников на открытых водоемах встречать еще не доводилось. Самоубийцы в ваннах были не в счет. Эти кретины попросту сводили счеты с жизнью максимально комфортным способом. Только знать об этом никому не полагалось, верно? Но кое в чем Симо был твердо уверен: тело, вынутое из воды, быстро разлагалось.

Словно подтверждая этот факт, те немногие участки кожи девушки, которые еще оставались белыми, прямо на глазах обретали нежный зеленоватый оттенок, навсегда отбивая охоту к свежей зелени.

— Лина, заканчивай здесь и отправь тело Харинову, пока оно не превратилось в газовую бомбу.

Та кивнула. Ее рассеянный взгляд опять отыскал эти удивительные ступни и, затухая, заскользил по ним.

Не обратив внимания на эту странность в поведении криминалиста, Симо направился к участковому и мужичку с псом. Буквально на третьем шаге его правая нога съехала на камне, и он, едва не растянувшись, уткнулся носом в незаконченный протокол. Из состояния раздражения его вырвал резкий окрик.

Назар, позабыв о холоде, хищно вглядывался в северную сторону каменистого пляжа.

— Эй, пацан! Пацан! Стой!

Повернув голову, Симо увидел, как прочь несется мальчик в яркой курточке салатного цвета. Бежал так, что, не будь камни влажными, могли вспыхнуть пятки.

Перехватив вопросительный взгляд Назара, Симо кивнул.

Оперуполномоченный рванул за ребенком. И сделал это с облегчением, какое обычно испытывает замерзший человек, получивший наконец-то возможность хорошенько разогреться.

— Стой, кому сказал!

— Только попусту не пали, Назар! — с улыбкой бросил Симо вдогонку, и оперуполномоченный отмахнулся.

Пока Назар наслаждался ролью гончей, Симо подошел к участковому и пожал ему и мужчине руки. Погладил задремавшего пса. Между тем медики наконец дотащили свою ношу до трупа и Лины. Лицо медика помоложе позеленело. Симо мысленно усмехнулся выражению лица парня, которое как бы говорило: «И ты такого не видал, да?»

Но мысль проскользнула и ушла, потому что Симо анализировал рукопожатия, делая это на почти что бессознательном уровне.

Он не имел предубеждений относительно того, кому стоит жать руку. Он с равным холодным интересом приветствовал каждого, будь то коллега, женщина или кретин, который час назад вышиб дух из собственной жены с помощью гитары. Умей мертвецы хотя бы вздрагивать в такие моменты, Симо жал бы руки и им. В этом плане рукопожатие не уступало мимике. Влажность, твердость, наклон — все имело значение для того, кто полагался не только на глаза.

Рукопожатие Терехова было твердым и быстрым — рукопожатие того, кто ставит работу выше личной неприязни. А в том, что участковый испытывал к Симо необъяснимую неприязнь, сомневаться не приходилось. Иногда люди просто не нравятся друг другу. Их раздра-

жают в человеке запахи, улыбка, габариты, служебное положение и многое другое.

А вот рукопожатие мужичка с собакой было иным. Оно напоминало горячечную встряску больного, встречавшего диагноз о выздоровлении. Никакого страха или жестокости — лишь надежда на то, что унылый пляж с трупом вскоре останется в прошлом. Явно не убийца. Собачонка, надо полагать, тоже.

— Симо Ильвес, Кемский межрайонный следственный отдел.

Мужчина сглотнул. Хоть финские имена и фамилии не были редкостью в Карелии, собаковод из услышанного понял лишь то, что разговаривает со следователем.

— Антон Юрченко, бедолага, вышедший на прогулку.

— Насколько я понимаю, тело обнаружил пес. Как зовут следопыта?

Хмурое лицо Терехова озарила улыбка, а Юрченко словно оказался в тени внезапно наплывшей тучи. Глядя на их столь непохожие эмоции, Симо понял, что кличка животного, которую он сейчас услышит, станет еще одной деталью, благодаря которой он хорошенько запомнит это холодное утро.

Тело обнаружил басенджи по кличке Пикуль.

5. ЗЫБКИЙ СЛЕД

Холодный воздух от бега превратился в пронизывающий ветер, и Назар обругал себя за привычку легко одеваться. Синие джинсы, в состав которых входил эластан, гарантировали преодоление препятствий без разрыва ткани, а спортивные черные ботинки — безопасное приземление даже на кирпичные осколки. Еще на

нем была надета серая водолазка, этакий отличительный признак сотрудников уголовного розыска, и легкая кожаная куртка.

И куртку пришлось расстегнуть. В этом действии, грозившем воспалением легких, не было никакой необходимости. Просто сработала еще одна привычка: рука должна без помех дотягиваться до наплечной кобуры. От подобных мелочей зависело очень многое, иногда — чья-то жизнь. А чья жизнь дороже, чем собственная?

В какой-то момент до Назара дошло, что он преследует обычного пацана и пистолет совершенно ни к чему. А еще он был уверен, что сорванец услышал крик о том, что Назар из полиции. И все же предпочел сбежать от него.

Мальчик мчался в сторону Красной Нерки, рыбацкой дереvушки, располагавшейся в двух километрах к северу от Пираостровска. Бежал вприпрыжку, поминутно оглядываясь. От его ядовито-салатовой курточки рябило в глазах, и Назар, усиленно моргая, отвернулся к морю. Вид тяжело перекатывавшихся волн свинцового цвета окончательно испортил настроение.

Наконец запыхавшийся мальчик остановился. Назар, тяжело дыша, сбавил шаг и с раздражением отметил, что они добежали до окраины Красной Нерки.

Здесь берег покрывал темный песок. Набегавшие волны пытались добраться до пяти весельных лодок и катера с облупившейся лазурной краской, находившихся на берегу. На жердях, установленных на земле, сохли сети. Домики с заборчиками, расселившиеся на склоне, напоминали узколобых идолов.

— Куда бежал? Ты что, оглох, а? Полиция! — выдал Назар на одном выдохе, так и не найдя сил для должной гневной отповеди. В правом боку колело. Казалось, там

работала швейная машинка, строчившая прямо сквозь плоть. Что и говорить, бег по камням и песку дался нелегко.

Лицо мальчика отражало крайнюю степень насто-роженности. На вид ему было немногим больше две-надцати. Светлые волосы. Широко посаженные глаза, почти рыбы. Поджатые губы.

— Все-все, успокойся. Уголовный розыск. — Назар потянулся было за служебным удостоверением, но вме-сто этого откинул полу куртки. Посчитал, что писто-лет в кобуре впечатлит пацана куда сильнее, нежели какая-то книжица с фотографией. — Чего убегал-то?

— Я слышал, как тот, в пальто, сказал, чтобы вы не палили.

«Господи, Симо! Что на тебя вообще нашло? Надо ж было такое ляпнуть!» — мысленно простонал Назар. Не без удовольствия представив, как выскажет Симо за ду-рацкую выходку, он застегнул куртку.

— Как видишь, я и не палю. Это была крайне не-удачная шутка. А чего остановился?

— Ну, вряд ли вы станете стрелять при чужих. — Сказав так, мальчик сделал неопределенный жест, об-водя деревню.

— А ты умен не по годам, верно? Как тебя зовут?

— Матвей.

— Знаешь, что случилось там, на берегу, Матвей?

Мальчик понизил голос:

— Там кого-то убили, да?

— Этого мы не знаем. Иногда люди сами умира-ют. — Назар выдержал паузу. — А почему ты решил, что там кого-то убили?

Матвей пожал плечами:

— Слишком много людей. К моей бабке в прошлом году только медики приехали, когда она умерла, да и то сказали, чтобы отец сам ее в морг ташил.

Налетел порыв ветра, и Назар ощутил, что дрожит всем телом. Все-таки бежать нараспашку было не лучшей идеей.

— Хорошо, да, на берегу нашли кое-кого, и здоровье этого человека, скажем так, опустилось до нуля не самым естественным образом. Видел что-нибудь странное? Каких-нибудь подозрительных или страшных людей? Может, кто-то громко кричал? Или стонал?

Лицо Матвея исказило задумчивое выражение, сделав его некрасивым. И почти сразу он просиял:

— Вам нужно на Сирены Амая.

— Сирены Амая?

В памяти оперуполномоченного всплыла позабытая информация о том, что так назывался один из островов Онежской губы. Остров считался пустым и неприступным. Таким он был и в детстве Назара, таким оставался и сейчас. Ничего интересного для обычного человека или того же рыбака. Если ты, конечно, не из тех, кто проворачивает делишки там, где потемнее. А после таких... да, после таких личностей частенько остаются трупы. Хоть и не столь жуткие.

Назар посмотрел на море, выискивая среди далеких синеватых громадин искомый кусок суши.

— И что там, на этих Сиренах?

Матвей огляделся, словно собираясь выдать тайну, и поманил Назара к себе. Тот послушно наклонился.

— Оттуда по ночам приплывают страшные люди, — прошептал мальчик. Его широко раскрытые глаза говорили о том, что он не шутит.

— Для чего? Для чего приплывают эти страшные люди?

Матвей открыл было рот, чтобы ответить, но с его обветренных губ сорвался вскрик.

На голову мальчику легла чья-то грязная пятерня и, собравшись в горсть вместе с волосами, откинула его назад.

Назар распрямился. Над всхлипывавшим Матвеем возвышалась фигура. Типичный обитатель прибрежной деревни. Красное лицо. Высокие резиновые сапоги. Пятнистые штаны. Теплая фланелевая рубашка. Фуфайка со следами песка на левом рукаве.

— Это кто? — быстро спросил Назар у мальчика, хотя и догадывался, что услышит в ответ. Подобным скотским образом мог вести себя только родственник.

— Этот кто — его отец, — холодно произнес мужчина. Ничего больше не говоря, он потащил Матвея за шкуру к дому, на крыше которого чайка клевала рыбий хребет. Через три шага мужчина обернулся: — Ты — стой здесь.

Назар никогда не считал себя импульсивным человеком. Но сейчас ему пришлось обуздать все свои желания. А хотелось многого. Например, схватить этого кретина за лицо и сдавить так, чтобы лопнула кожа. Или просто вышибить его из собственных хлябающих сапог. Да, последний вариант был наиболее реалистичным, но и к нему он не мог прибегнуть, потому что любое действие, умаляющее авторитет отца в глазах сына, выйдет ребенку боком.

Назар знал, что где-то по Красной Нерке рыскали ребята из уголовного розыска или той же патрульно-постовой службы — наводили справки о найденной де-

вушке. Один звонок, и озябший коллега, готовый разогреться, отдубасив деревенского дурачка, примчится без лишних вопросов. Однако Назар предпочел не будить лихо. Так что он остался на месте, пронизываемый холодным ветром.

Не успела дверь дома закрыться за вошедшими, как опять показался отец мальчика, а следом выскочил и сам Матвей. Его левая щека горела румянцем, красноречиво свидетельствуя о контакте с жесткой ладонью родителя. Матвей, не оборачиваясь, помчался вглубь деревни и вскоре исчез за заборчиками.

«Ясно, эта экзекуция была только для своих», — со злостью подумал Назар.

Мужчина тем временем вернулся к оперуполномоченному. Белокурые волосы вспыхивали на ветру. Глаза сверкали гневом. Через мгновение он буквально выплюнул:

— Хочешь что-то вызнать — спрашивай у меня.

— Я тебя понял, здоровяк.

Назар опустил голову, пряча оскал. Он прикидывал, как лучше поступить. Мысль о том, что любое действие может навлечь на Матвея гнев отца, вытеснила заботы о мертвой девушке. Ему не хотелось, чтобы позднее, наедине, этот кретин выместил обиду на пацане.

Наконец соломоново решение было найдено, и Назар полез за бумажником. На свет божий появились четыре однотысячные бумажки. Секундой позже они легли на мозолистую ладонь рыбака.

— Это тебе — чтобы ты не трогал пацана. — Злость неожиданно взяла верх, и Назар, расстегнув куртку, вот уже второй раз за утро показал кобуру. — А если узнаю, что ты продолжаешь распускать руки, отстрелю тебе

яйца, понял? Ну так что? Деньги и яйца — хочешь их себе оставить?

Купюры, будто по волшебству, исчезли, говоря о том, что их новый владелец желал оставить себе все.

Мужчина мрачно улыбнулся:

— Что мелкий гаденыш наплел?

— Кто живет на Сиренах Амая? — вместо ответа спросил Назар.

Краснота с лица мужчины схлынула.

— Кто живет... Там обитают уроды. В смысле — настоящие, а не какие-то придурки. Хотя, может, они и такие. Приплывают только по ночам. Наверное, стыдятся себя. Ну, своих рож и тел. Как по мне, стыдиться нечего, ежели на раздаче достался маленький член или горб.

Перед мысленным взором Назара возникла мертвая девушка. Он со стыдом подумал, что ее ноги, пожалуй, действительно уродливы. Да и от срезанных грудей в дрожь бросало. Размышляя над этим, оперуполномоченный закурил.

— Можно? — Мужчина взглядом указал на сигареты.

— На берегу нашли труп девушки. Некоторые раны — чуть ли не до костей. — Назар затаился и убрал в карман сигареты, обманув ожидания рыбака покурить на халяву. — Знаешь про это что-нибудь?

— Нет.

— Что этим уродам от вас нужно?

— Ну, пенициллин, обезболивающее, иногда одежда или туристическая мелочевка вроде непромокаемых спичек. Торгаши они, понимаешь? Расплачиваются украшениями, которые сами же и лепят из какого-то

местного камня. Эту дрянь на рынке в Кеми с руками отрывают.

А вот это уже было интересно, и Назар подобрался.

— Откуда вы знаете, что им понадобится в следующий раз?

Мужчина вздохнул и зашагал обратно к дому. Бросил через плечо:

— Стой здесь.

Усмехнувшись, Назар двинулся следом. Когда до влажного заборчика осталось не больше пяти метров, со двора донесся хриплый лай, и оперуполномоченному волей-неволей пришлось замереть. Судя по злобному голосу, где-то на цепи прыгала настоящая зверюга.

Едва Назар выбросил окурок, как из дверей, пригнувшись, вышел рыбак. Протянул руку. На ладони, насквозь провонявшей рыбой, лежал пожелтевший, смятый листок блокнота. В центре бумаги покоилась бусина — черная и пористая. Размерами она чуть не дотягивала до ногтя большого пальца мужчины.

Назар взял бумагу и шарик, перевел недоумевающий взгляд на рыбака:

— Что это?

— То, что ты купил за свои четыре тысячи, полицейский. Люди с острова всегда оставляют список — чтобы мы наперед знали, что им потребуется.

Вглядевшись в водянистые глаза мужчины, Назар увидел в них страх. Рыбак боялся. И не того, что его лишат странного заработка, нет. Этот страх был сродни тому, что испытывает человек, который не способен самостоятельно остановить нечто для себя неотвратимое. Вроде удаления желчного пузыря или падающего лезвия гильотины.

— И когда они планируют вас проведать? — поинтересовался Назар.

— Мы не знаем. Никто не знает. Как только мы собираем необходимое, они приходят. Просто заявляются посреди ночи и забирают свое. Так это и бывает.

Повторив себе под нос «так это и бывает» еще раз, рыбак обогнул угол дома и отправился вглубь грязного двора. Лай зверюги стих, сменившись поскуливанием.

— Эй, купи пацану чего-нибудь! — крикнул Назар, особо и не рассчитывая, что его услышат.

Колени отказывались гнуться от холода, и оперуполномоченный, выйдя на разбитую дорогу, тянувшуюся вдоль деревенских домов, достал смартфон. Небо прямо на глазах становилось черным. Вот-вот пойдет дождь. Море тревожно рокотало.

Назар взмолился про себя, чтобы по Красной Нерке все еще кто-нибудь бродил. Тогда бы его без проблем доставили к трупу — холодному олицетворению этого утра. Ковылять второй раз по берегу было выше всяческих сил.

Но перед тем, как обзванивать тех, кого могли бросить на это дело, Назар спрятал шарик в куртку и развернул бумажку. Брови оперуполномоченного поползли вверх.

Список был чертовски странным.

6. ЭКОТАОН И КАМНИ

Земляная шелуха камня неожиданно поддалась, и пальцы Марьятты вонзились в нечто твердое. Безымянный палец на правой руке обожгло болью. Ноготь

отошел от фаланги и теперь напоминал окровавленное надкрылье насекомого.

Марьятта плюхнулась на землю и уперлась в нее коленями. Надвинула кепку-шестиклинку на глаза. Обхватила здоровой рукой камень и принялась выкручивать его из земли. Плуг, который она же полчаса назад и тащила, пока сзади за ним вышагивал Юсси и вытаскивал из земли камни.

— Проклятый камень, — пробормотала Марьятта. — Пусть будут прокляты твои дети и твоя холодная жена.

— Хорошо сказано.

Марьятта обернулась, хоть и боялась, что ее слезы заметят. Слезы приравнивались к предательству: плачешь — значит, недоволен. Вот почему шестиклинка была сдвинута почти к самой переносице. Девушка встретила взглядом с Юсси. Парень вынимал из земли камень вдвое больше, чем тот, с которым пыталась совладать Марьятта.

Мгновением позже камень с грохотом ударился о дно помятой тачки, а сам Юсси распрямылся. Ветер шевелил белые волоски на его предплечьях.

«Сильный, высокий, *настоящий*», — пронеслось в голове Марьятты.

Стоило ей так подумать, как в груди возникла боль. Перед глазами возникли образы двух зеленых холмов, которые уже через миг вспыхнули ярким пламенем.

«Пожалуйста, не надо. Я не хочу этого больше вспоминать... пожалуйста...»

Сипя от боли, Марьятта осторожно налегла на камень. Тот немного сдвинулся под ее весом, и она, шмыгнув носом, улыбнулась. Взглянула вперед, пытаясь оценить, сколько еще осталось.

Она и другие мужчины — настоящие и *такие, как она*, — трудились на лесном поле. Само поле представляло собой прерывистые полосы, разделенные в хаотичном порядке соснами. Находясь в тени хвойных великанов, труженики вспахивали и очищали участки земли длиной в тысячу метров. Тайга скрывала и кормила общину.

Саргул иногда посылал неподвижных белых птиц, чтобы найти их, и тогда Амай в отместку заставлял деревья расти пуще прежнего. Так облачный демон и подземный бог состязались в давней и бесконечной игре, известной человеку с древности. Они играли в прятки. Но вот беда: никто не мог с уверенностью сказать, кто кого искал.

Наконец Марьятте удалось совладать с камнем, и она зашвырнула его в тачку. Каждую весну остров выталкивал из себя вот такие подарочки, и объяснений тому не было. Поле обрабатывали каждый год, полностью очищая его от камней, но земля бунтовала и злилась, порождая все новые и новые глыбы. Говорили, что таким образом Амай дает шанс показать силу, но Марьятта в это не верила. Она была убеждена, что у этих капризов имелось *настоящее* объяснение, не связанное с чьей-то сверхъестественной жестокостью.

— Экотаон, ты кровоточишь, — внезапно сказал Юсси.

Марьятта опустила глаза и обнаружила на своей желтой сорочке пятна крови. Крошечные, будто слезы. В тех самых местах. Тело опять рыдало, вспоминая о сгоревших зеленых холмах, что, конечно же, никогда не были холмами и тем более зелеными.

— Мое имя Марьятта, — чуть ли не жалобно напомнила она.

— Это имя женщины, — Юсси пожал плечами, — а ты уже не она. Красный Амай решил, что ты — мужчина. Так что либо мужское имя, либо экотаон, сама знаешь.

«Экотаон».

Это слово обозначало мужчину, который по ошибке родился женщиной. Вот так. По чьей-то ошибке человек родился не тем, кем следовало. Разум Марьятты охватили черные вспышки ненависти и страха. Экотаон. Да, теперь она тоже экотаон — изгой, некое промежуточное звено между мужчиной и женщиной.

Марьятта опять взглянула на Юсси. Тот, задрав голову, следил, как за ветвями сосен гаснет в чернеющих облаках солнце.

— Там дождь, — неопределенно протянул он и вернулся к работе. Очередной камень, обсыпанный землей, ощутил на себе силу его рук.

— Почему? — тихо спросила Марьятта.

— Ты что-то сказал, экотаон?

— Ничего, просто с камнем ругаюсь.

— Всыпь этой заразе по первое число. — Юсси плевал на ладони и закричал, поднимая камень.

«Ты ведь тоже не идеален, Юсси, разве не знаешь?» — подумала Марьятта.

Красный Амай обожал, когда люди рождались непохожими друг на друга. Поэтому Юсси был награжден кривым позвоночником и сильными руками, а Марьятта — ногами с птичьими ступнями, как и бедняжка Аннели.

Какое-то время ей мнилось, что они половинки разломанного дерева. Соедини такие — и образуется нечто целое, волшебное, лучшее, из чего возникнет счастливый поющий лес.

Но воссоединения не произошло. Никакого. Совсем.

Когда Марьятта исполнилось тринадцать, ее впервые отвели в Яму Ягнения. Три дня ей полагалось улаживать мужчин. Это время она провела в полнейшем одиночестве. Так было и в последующие семь раз. Почти два года Марьятта ждала, но никто так и не возжелал плачущую в колодце девочку.

Не пришел даже Юсси, когда ему исполнилось пятнадцать. В этом возрасте он мог наравне с другими мужчинами наслаждаться женщинами. Возможно, Юсси попросту не хотел видеть лицо той, что временами смотрела на него чересчур уж внимательно и нежно. Марьятта понимала это... и не могла ему простить.

Теперь она была той — или тем, — кому Красный Амай поручил бремя мужчин: пахоту, расчистку поля от камней, добычу угля и прочее. За этот тяжелый труд мужчины имели право на безграничную любовь женщин. Но Марьятта по понятным причинам была лишена подобной примитивной радости. Зато она по полной наслаждалась ссадинами, синяками и болями в спине и суставах. А еще внутри нее зрело облако чего-то вязкого, обшитого колючками. Вероятно, Аннели переполняло схожее чувство бессильного гнева.

Воспоминание об этой жертве мужского равнодушия переполнило Марьятту горечью.

До Аннели тоже не снизошел ни один мужчина, и в январе ее объявили экотаоном. Когда Вирпи в своем сарайчике ужасов с ней закончила, Аннели еще два дня не могла встать с постели и ходила под себя кровью. В этом плане ее судьба не отличалась от судьбы Марьятты. С той лишь разницей, что позавчера Аннели поймали, когда она пыталась покинуть остров, а на следую-

щий день заставили харкать кровью и вопить от боли. И все во славу Красного Амая.

Неожиданно Марьятта осознала, что просто стоит и смотрит на землю. Она торопливо огляделась и наклонилась к очередному камню, надеясь, что никто не заметил ее оплошности.

В северной части острова завывала далекая зубастая шахта. Так Амай благословлял проклятую жизнь Марьятты.

7. ЗАГАДКИ СЕКЦИОННОЙ

1

Поставленный баритон патологоанатома Бориса Харинова пробирал до мурашек, особенно сейчас, когда его голос звучал в западной секционной городского морга Кеми. Вот как сейчас.

В узкие окошки, расположенные почти под самым потолком, лился мутный дневной свет, бросая вызов металлогенной медицинской лампе. За отдельным столиком сидел патлатый парень, выполнявший роль регистратора: то есть со скучающим видом заносил все, что говорил Харинов, в протокол вскрытия. Симо, занявший стул на колесиках в другом углу помещения, с непроницаемым выражением на лице следил за ходом аутопсии.

Мертвая девушка, покоившаяся на секционном столе, выглядела зеленоватым экспонатом некоего чудовищного показа. Харинов уже извлек из ее ран фрагменты черного минерала, природу которого еще только предстояло выяснить. Складывалось впечатление, что

неизвестная перед смертью побывала в огромной барабанной сушилке с зубами. И мотало ее там до тех пор, пока зубы этой самой сушилки не обломались.

— Продолжаем внешний осмотр, — произнес Харинов. Потирая пальцы, он переместился к изножью секционного стола. Заскрипели галоши. В правой руке возник нож, отдаленно напоминавший хищную версию столового ножа. — Налицо проведенная вагинэктомия. Оставлен канал для отвода менструальных выделений. Следовательно, матка и яичники не удалены. Ну что ж, вызов принят.

Патологоанатом склонился к паховой области девушки и, подняв локоть, принялся аккуратно водить там ножом. Симо отвернулся. Никакой брезгливости или отвращения к происходящему у него не было. Но смотреть на такое нет необходимости.

В морге было чертовски холодно, гораздо холоднее, чем снаружи. Настоящая морозильная камера. Возможно, это игра воображения и никакой холодрыги на самом деле не было. Да, признал Симо, озноб вызывало лицо девушки, ее обезображенное тело и птичьи лапы.

И этому самому существу между ног заглядывал пятидесятилетний патологоанатом с паршивым чувством юмора.

Симо взял цветные снимки, часть которых была сделана Линой еще на берегу, а часть — здесь же, в морге. Благо струйный принтер, чтобы их распечатать, нашелся в административной комнатухе. Следователя интересовали руки и бедра девушки. Точнее, то, что на них оставил неизвестный. Слова. Четкие и читаемые, покуда их не обрывали раны.

Глаза Симо остановились на одном из снимков. «*Я испрашиваю суть его Золотого Правила и хочу знать...*» — было написано на левой ноге трупа, а потом надпись пропадала в бескровной яме, на дне которой остро поблескивала кость.

«Что ты хочешь знать? Кто ты? К кому обращаешься? — Симо перевел взгляд в никуда. — Какая странная фраза».

— Предположение о том, что матка и яичники на месте, абсолютно верно, — подытожил Харинов, и парень-скучающий-регистратор записал это. — Как дела у Щуровой? Симо? Эй?

Симо вскинул голову, сообразив, что по какой-то причине искал ответы на свои вопросы на чистом линолеуме секционной.

— Она в порядке. Все такая же безрадостная, как воды Белого моря.

— Как думаешь, мне пригласить ее на свидание?

На мгновение их взгляды встретились. Симо считал, что высокий и худой Харинов — такой же пришелец с Луны, как и молчаливая женщина-криминалист. Так почему бы этим двоим не образовать союз лунных жителей?

— Попробуй. Только, умоляю тебя, не шути при ней, — посоветовал Симо.

Усмехнувшись, Харинов вернулся к вскрытию. На его желтоватом лице с ввалившимися щеками играл румянец.

— Срезанные груди и вагинэктомия говорят о попытке смены пола. Успешной на... ну, пусть этак процентов на пятьдесят. И на все сто — насильственной. — Харинов пригляделся к ранам на груди

девушки и опустил взгляд ниже. — Грубая ампутация молочных желез и крайне аккуратная работа с вульвой трупа. Не исключено, что к моменту проведения вагинэктомии девушка смирилась с происходящим и позволила неизвестному завершить работу с должной тщательностью.

— Или же она была без сознания, — угрюмо подсказал Симо.

— Или же она начала получать удовольствие, — возразил Харинов и хохотнул, сообразив, что взобрался на очередную вершину цинизма.

Видя, как Харинов, поигрывая ножиком, выполняет разрез на груди трупа, Симо ощутил, как губы попытались сжать фильтр несуществующей сигареты. Он сунул руку в карман пальто, чтобы достать «Никоретте», но сразу отказался от этой идеи. Ему не хотелось что-либо жевать в морге, даже заменитель никотина. Раздался хруст вскрываемой грудной клетки, и желание закурить переросло в нестерпимое жжение где-то в глотке.

Пытаясь отвлечься, Симо взялся за смятый клочок бумажки и бусину, которые Назар получил от рыбака. Конечно, эти вещицы следовало передать в лабораторию, но сейчас это не имело значения, поскольку бумага и бусина уже побывали в руках уймы людей. Так что изначальные отпечатки пальцев, если они и имелись, к этому моменту были безнадежно заляпаны или стерты.

Он еще раз углубился в изучение списка. Снова отметил, что буквы выведены чересчур усердно — не так рублено, как на трупе. Так обычно пишут дети, еще не зная, что вскоре жизнь потребует от них не красоты написания, а скорости.

Неизвестным с острова Сирены Амая требовались, казалось бы, несочетаемые вещи:

Прорезиненные сапоги (размеры 40 и 42) — 5 пар.

Витамины для беременных — 20 шт.

Семена картофеля «Лакомка» — 30 шт.

Семена свеклы «Пиковая дама» — 25 шт.

Семена моркови «Рубиновая» — 30 шт.

Семена капусты «Белорусская» — 40 шт.

Тонкогубцы — 1 шт.

Портновские кусачки — 1 шт.

Сборочный коврик — 3 шт.

Кримпер — 1 шт.

Застежки для бижутерии — 60 шт.

«Супрастин» — 30 шт.

«Хлоропирамин» — 30 шт.

«Спазмалгон» — 50 шт.

«Кеторол» — 70 шт.

«Найз» — 40 шт.

«Черная книга» (Холокост) — 1 шт.

Симо нахмурился. Понятное дело, речь шла об упаковках, а не о тридцати семечках, из которых вырастут тридцать морковок, и не о тридцати таблетках от аллергии. И рыбакам удавалось без лишнего шума доставать столько лекарств? Харинов тоже видел спикок и однозначно указал, что подобного рода обезболивающие назначаются при болевых синдромах, характерных для воспаления связок и дьявольских сращиваний.

«Дьявольское сращивание». Симо тогда впечатлило это словосочетание, хотя ничего конкретного, кроме язвительного обозначения процесса заживления, оно в себе не несло.

Однако это не помешало разуму сотворить образ темных фигур, будто сошедших со страниц творчества Лавкрафта¹. И эти дикие, невысказанные существа, в которых едва угадывались очертания людей, скользили сквозь морскую темень на лодках. Они упрямо плыли к берегу, чтобы забрать свои средства от аллергии и пять пар прорезиненных сапог сорокового и сорок второго размеров.

Но для чего им могла понадобиться книга об ужасах холокоста?

Ход мыслей следователя нарушил приятный баритон Харинова.

— Симо, пам-парам, результат! Наша девочка захлебнулась. Впрочем, это ничего не меняет: через минуту-другую она умерла бы от кровопотери. В воде пробыла не больше суток. Посмотри-ка сюда.

Симо без особого желания поднялся со стула и подошел к секционному столу. Неизвестная напоминала экзотический цветок — влажный, смердящий и вывернутый наизнанку.

— Обрати внимание на эпидермис ладоней и подошв. Симо, это «рука прачки», — сказал Харинов так, будто знакомил между собой гостей банкета. — Эпидермис бело-серый, набухший. Пробудь она в воде чуть больше, и мы увидели бы формирование «перчаток смерти».

— Как это? — спросил Симо и тут же пожалел о заданном им вопросе.

¹ Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937 гг.) — американский писатель, работавший в жанре ужасов, мистики и научной фантастики.

Широко улыбаясь, Харинов произнес:

— Это когда кожа слезает, будто перчатки. Или носки.

Парень, выполнявший роль технического регистратора, вздохнул. Харинов расхохотался и попытался толкнуть следователя кулаком в плечо, чтобы тот оценил шутку, но вовремя вспомнил о перепачканных перчатках.

— Кстати, что любит Лина? — поинтересовался Харинов.

Симо ошарашенным взглядом окинул его с головы до ног, удивленный столь быстрой сменой темы. «Он безнадежен», — наконец подумал он и направился к своему месту.

— Расскажи ей про эти «руки прачки».

— Ты шутишь? Она же это знает.

Харинов сказал еще что-то, но Симо не стал слушать. Он пытался увязать мертвую девушку и остров, на котором, если верить слухам, никого не было... кроме мрачных фигур из воображения, нуждавшихся в предметах из списка.

— Только не уходи, Симо, — сказал Харинов и широко улыбнулся. — Мы еще не заглянули в желудок и кишечник нашей девочке. Любопытно, она откапывала этими лапками червяков? Знаешь, как называется подобное отклонение в развитии плода?

— Нет, — с усталостью отозвался Симо.

— Эктродактилия! Ду-да! Ду-да!

Вид запевшего Харинова окончательно привел Симо в смятение. К счастью, в этот момент в секционную вошел Назар.

Заметив, что грудная клетка девушки раскрыта, оперуполномоченный поморщился. Затем сунул озябшие руки под свет настольной лампы, в котором Симо не так давно изучал фотографии и список.

— Узнал что-нибудь, Назар?

— Как сказать... Сирены Амая — самый обыкновенный клочок земли, поросший лесом. Береговая охрана сообщила, что с воздуха ничего не видно, вертолету сесть негде, а пристать к острову можно только со стороны моря. Кругом крошево из скал.

— То есть девушек там нет? — встрял Харинов. Он как раз выкладывал извлеченный розовато-белесый мешочек, бывший желудком, на эмалированный поднос. Мерзко шлепнуло.

— Каких еще девушек? — не понял Назар.

— Как вот эта. Сирен. Остров же называется Сирены Амая, так?

Все опять посмотрели на труп, даже парень-регистратор обернулся. Взгляды остановились на отталяющих лапах. При их виде не содрогнулся только патологоанатом.

— Из ума выжил, Боря? Я бы скорее поверил в настоящих Сирен, чем в певучих девок. — Назар вынул из куртки смартфон, открыл заметки и отыскал последнюю. — Так. Вот. В двадцатых годах некий Тарой Кеттунен из Корпуса военных топографов посетил со своей группой скопление мелких островов Белого моря — от Кандалакшского залива до Онежской губы. Он финн, я прав, Симо?

— Да, Назар, господи, он финн. Давай дальше.

— А дальше, собственно, ничего и нет. Этот финн сгонял на остров, заявил, что тот непригоден для чего бы то ни было, а после Тарой и его группа, включая семьи членов группы, бесследно исчезли. Может, есть еще что-то интересное, но я так глубоко уже не рыл.

Симо нахмурился. Исчезновение военного топографа казалось важным, но сейчас это больше напоминало ответ, для которого не находилось вопроса.

— А у меня для вас подарочек, — неожиданно заявил Харинов. В его голосе чувствовалась задумчивость. — Прошу ко мне. — Заметив, что парень-регистратор тоже начал подниматься со стула, он добавил: — К тебе это не относится, Рома. Веди летопись.

Парень без особого сожаления плюхнулся обратно на стул.

Симо и Назар подошли к патологоанатому и увидели, что тот орудует пинцетом во вскрытом желудке, вынимая предметы, похожие на бусины. С каждой из них Харинов брал соскоб с помощью ватной палочки. После этого палочки отправлялись в индивидуальные пакетики, а бусины — в широкую литровую банку с дистиллированной водой. Распространяя вокруг себя красную вуаль, они стучались о дно банки и медленно подпрыгивали.

— Вот черт. — Симо торопливо вынул из кармана пальто бусину, «купленную» Назаром у рыбака. Сравнил с теми, что находились в банке, и пришел к выводу, что они вполне могли болтаться на одной нити. — Боря, можно одну?

— Хоть все. Секунду. — Харинов хорошенько перемешал пинцетом воду, затем достал первую попавшуюся бусину и положил на свободный медицинский

лоток. Подал следователю латексную перчатку. — Я вот о чем думаю. Мышцы нашей девочки перед смертью были... как бы это сказать... вроде как обесточены неким спазмом.

— Спазмы как от удара током, что ли? — спросил Назар, не сводя глаз с Симо, натягивавшего в этот момент перчатку.

— Больше похоже на легкий паралич, вызванный действием яда. И яд, даю голову на отсечение, вот на этих крошках.

Все воззрились на бусины, а потом перевели взгляды на ту, что задержалась в руке побледневшего следователя.

— Нет-нет, эта абсолютно чиста, — поспешно заверил Харинов.

Симо убрал бусину в карман и устоялся на улов из желудка мертвеца, не решаясь его коснуться.

— Неизвестную парализовали ими?

— Не знаю, не знаю, я могу и ошибаться. Нужна отдельная экспертиза. Но одно точно: внутри желудка — ожоги. Проглоти такую дрянь — и тебе конец, если ты, конечно, не съел перед этим тухлую рыбу и беляш, поданные на обувной стельке. Спасение через рвоту, господа. Или чик-чик — зовите хирурга.

Симо очень внимательно выслушал патологоанатома, потом осторожно взял бусину с медицинского лотка и поднес к глазам. На покатои поверхности была выточена буква «Ш».

— А остальные? — быстро спросил он. — Что там?

Когда все бусины переключали на поднос, выяснилось, что их одиннадцать и на каждой — буква. Итого получалось: две «Ш», две «М», две «А» и по одной «Х»,

«Р», «Ф», «Е», «О». Мужчины сгрудились у подноса. Ни о чем конкретно не думая, Симо принялся переставлять бусины, пытаясь собрать слово. Но ничего не получалось, крепкий орешек анаграммы не давал себя раскусить. Выходили всякие «фарш», «хром», «хер» — и больше ничего путного.

— Как я понимаю, мы посетим Сирены Амая, да? — Назар опять достал смартфон и сделал несколько снимков бусин.

— Несомненно, — отозвался Симо. Он все еще переставлял бусины местами. На этот раз ему повезло чуть больше, и получилась «ферма». — Но сперва нам потребуется помощь религиоведа.

Харинов, следивший за перемещением бусин с вялым интересом, встрепенулся.

— А позвоните в Управление образования, — предложил он. — Преподавание — обычный исход для растяп с дипломом религиоведа или философа. Никакой практической ценности, доложу вам, от них нет.

— Да, хорошая идея. Спасибо, Боря. — Симо наконец-то оставил бусины в покое.

К нему наклонился Назар:

— А я выяснил, для чего нужны тонкогубцы и кримпер. Ну, те вещи из списка.

— Для создания украшений?

— Черт, я мог бы и не стараться. Кстати, не займешь пару тысяч?

Симо против воли улыбнулся. В животе у него все то замирало, то резко пускалось в пляс, будто он катался на американских горках. Это дело грозило стать самым громким в его карьере.

8. СПЕЦИАЛИСТ

Регина Ошукова была переполнена яростью и негодованием. И ярость эта выражалась в потряхивании вторым подбородком и покачивании серебряными сережками в ушах, а также тем, что изредка ее ногти впивались в подлокотники кресла. Иногда она бросала взгляды на мозаичного Иисуса, висевшего на стене среди всяких дипломов, и буквально читала по его красным губам: «Успокойся, Регина. Когда-нибудь и она поймет». Эти увещевания подхватывал Иисус поменьше, глиняный истуканчик за клавиатурой. Он разводил свои крохотные ручки и как бы добавлял: «Ну что же ты, Регина? Просто раскрой пошире пасть и проглоти эту вертлявую дурочку. А потом мы послушаем какой-нибудь церковный хор и бахнем по стаканчику. Что скажешь?»

Ева не сводила глаз со своей начальницы и примерно представляла, как крутятся некие колесики в этой русо-волосой головке. Скрип-скрип-аминь. Скрип-скрип-аминь. И так — до вселенской бесконечности, в которой есть только один Бог и имя ему... Ну, вы поняли. А если не поняли — оглянитесь и непременно отыщете еще парочку Иисусов.

Когда Ева устраивалась на работу в Управление образования, а было это три года назад, ее как бы невзначай предупредили: начальница наша слегка того, повернута на религии. Сердце девушки в тот момент чуть не расколосось от восторга. Ну а как же! Направлять ее будет человек, разделяющий те же ценности, что и она!

Только ценности, как оказалось, были совершенно разными.

Ева горячо верила в познание Высшего бытия, и ее мировоззрение, надо отметить, полностью соответствовало квалификации «религиовед». Регина тоже была квалифицированным религиоведом и тоже верила в сверхъестественную силу — только сила эта, по ее мнению, была единственной в своем роде. Словом, был, есть и будет только Иисус. Аминь. Остальным религиям предлагалось выкусить и разойтись по домам.

Эти фундаментальные расхождения и легли в основу противостояния, впервые давшего о себе знать в апреле прошлого года, когда Ева подала заявку на организацию курса «Введение в религиоведение» для населения Кеми. Ничего особенного. Но Иисус бы так не сказал, и Регина верила ему.

Находясь в логове самой крепкой фанатки Сына Божьего, Ева признавала, что сегодня у Ошуковой, пожалуй, были причины злиться.

Едва часы показали десять утра, как Ева подала на имя Андрея Моисеенко, главы управления, такое же прошение, которое в прошлом году огорошило Регину. Бумажка совершила оборот в бюрократической машине и вернулась к ним в отдел, содержа жизнеутверждающую пометку: «Доложить по существу».

Потому-то в темно-изумрудном кабинете в половине третьего пополудни и перетягивали незримый канат две женщины. Девушка, которой в январе исполнилось двадцать четыре, дышала спокойно, хоть и чуть взволнованно. Та, которой давно перевалило за пятьдесят, казалось, не дышала совсем.

— Я не буду извиняться, — наконец выдохнула Ева. — Наверное, не стоило подавать прошение в обход вас. Но какой у меня был выбор?

Уголки губ Регины опустились:

— И что с того? Как будто до тебя никто не пытался меня перешагнуть. Иисуса тоже пытались. И где они? Все поголовно в аду!

«Сумасшедшая ты стерва, я же пытаюсь помочь людям!» — чуть не ляпнула Ева, но вовремя прикусила язык. Нет, для оскорблений еще не время.

— Я тебя уволю, Ивкова, — проворковала Регина. — Сейчас ли, завтра, через год — без разницы. Я даже буду поздравлять тебя с праздниками. И каждый раз, когда мне придется это делать, я буду приставлять к твоему лбу маленький невидимый гвоздик. И будь уверена, Иисус вобьет каждый со всей мощи!

Угроза была довольно странной, и Ева растерялась, не зная, как реагировать. По сути, ей пригрозили Иисусом, а это, согласитесь, кого угодно вгонит в ступор. Затем в ее груди вспыхнула злость, и неуверенность испарилась.

— Ты непроходимо тупа для такой работы, Регина! — выпалила она. — Тупа как пробка! На улицах полно тех, кто не знает, во что верить. Можно не верить в государство или в собственных родителей, но смысл в этом бардаке найти можно. Людям нужны ответы и выбор! — К собственному удивлению, Ева шипением процитировала четырнадцатую статью Конституции, хотя раньше и не замечала за собой тяги к закону: — «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной!»! Хоть это тебе известно?

— Иисус, — Регина неторопливо поднялась, — любит тебя, дрянь. А еще он говорит, что есть только христианство, понимаешь? Все остальное — дым, выжи-

гающий глаза до слез. Хватает и того, что правительство забивает этим головы детям. А здесь правительство...

— Кто?! — перебила ее Ева. Она тоже вскочила. Поняла, что готова вцепиться этой жабе в волосы. — Неужели Иисус?

Неизвестно, к чему привел бы этот разговор, но его прервал телефонный звонок. Старенький аппарат с дисковым номеронабирателем задрезжал, разрываясь от вибрации.

Коснувшись трубки, Регина сделала глубокий вдох и нацепила улыбку, хотя ее никто не видел, кроме Евы и, разумеется, Иисуса.

— Управление образования. Чем можем быть полезны?

В трубке что-то пробормотали, и Ева увидела, как выражение ярости и негодования покинуло лицо соперницы. Прислушиваясь, Регина неосознанными движениями поправила клавиатуру и переставила стакан с ручками и карандашами. А потом глубины ее лица вытолкнули из себя нечто белесое и отвратительное. По скулам, лбу и щекам разлилась молочная бледность.

Встревоженный взгляд Регины вскинулся и уперся в Еву, отчего та смутилась и присела обратно в креслице для посетителей.

— Да, да, у нас найдется подходящий специалист. А это надолго? Да? Хорошо. Да, диктуйте адрес.

Завороженная необычными эмоциями начальницы, Ева вытянула шею. Регина в этот момент что-то быстро записывала на розовой бумажке для записок. Наконец телефонная трубка со стуком вернулась на базу. Глаза Регины были на мокром месте.

— Только Иисус не боится крови, — пробормотала она извиняющимся тоном и протянула бумажку.

Ничего не понимая, Ева взяла розовый клочок и уставилась на него. Надпись, сделанная на скорую руку, гласила: «Городской морг, Энергетиков, 16, **НЕМЕДЛЕННО**». И «**НЕМЕДЛЕННО**» было подчеркнуто два раза.

— Что это значит?

— Это значит, что Иисус ничего тебе не сделает. А еще ты получишь свой тарабарский курс. Но сперва придется помочь в расследовании убийства. И выложиться придется на все сто.

— Убийства? Как это? В смысле... настоящего убийства? — Ева ощутила, как желудок начал пихаться во все стороны. — Там что-то религиозное, да? Иначе с чего бы, ну... понадобились мы, правильно?

А потом случилось то, чего Ева никак не ожидала. Броня Регины Ошуковой, этой несносной набожной особи, окончательно разлетелась на куски.

— Не все ли равно, религиозное там дерьмо или нет?! — возопила она и, разрыдавшись, тяжело плюхнулась в кресло. — Иисус не боится крови, а я — боюсь! Разве тебе мало этого, дрянь? Мало?!

— Нет-нет, в самый раз, до горлышка, — торопливо кивнула Ева.

Она покинула кабинет. В голове была сумятица.

9. РАЗГАДКА

1

На улице бесновался промозглый ветер, но рассудок упрямо твердил, что в секционной еще холоднее. Да что там! Весь морг — обитель мороза, только и ждав-

шего, чтобы с похрустыванием пробежать по коже. А еще там повсюду лежали холмики с белыми снегами-простынями, а прохаживались там лишь те, кто в этих самых холмиках копался.

Но отнюдь не эти фантазии вынудили Симо и Назара торчать на ступенях морга, укрывшись под козырьком центрального входа. Они ожидали прибытия специалиста-религиоведа, надеясь, что тот ответит на несколько вопросов.

Назар грел руки о пластиковый стаканчик. Это была уже третья порция кофе, но тепла в теле так особо и не прибавилось. Оперуполномоченный по-прежнему напоминал музыканта, который слышал музыку, но не имел инструмента, чтобы ее сбавить и унять тремор. Симо же ограничился чаем из кафетерия.

Оба поглядывали на небо. Облака в его западной части словно сгустились и застыли. Те, что находились прямо над головой, выдавливали из себя морось.

— Ты хоть раз сталкивался с подобной дикостью? — вдруг спросил Назар, шаря отсутствующим взглядом по дороге и проезжавшим машинам.

Симо не было нужды уточнять, о чем шла речь.

— С такой необъяснимой — только единожды, — отозвался он с сухой грустью. — В Леснереченске одна мамаша перебрала и решила, что неплохо бы разрезать трехлетнего сына на шесть частей. Бог знает почему именно на такое количество, но она справилась с задачей на отлично. Потом приколотила части тела к кухонной стене и спокойно села ужинать. Ела консервированного тунца. Полицию вызвала соседка. И еще несколько людей.

— Да, я слышал об этом. Больная сука.

— Больнее некуда. Сказала, что голоса ангелов за-

ставили ее так поступить. А еще спросила, почему тунец такой кислый.

Они помолчали, обмозговывая странные проказы человеческого разума.

— Банально, да? — усмехнулся Симо. — Но это была просто дура, сумасшедшая одиночка.

Назар взглянул на следователя:

— Думаешь, на Сиренах Амая завелась какая-то секта?

— Возможно. Как долго обитатели острова посещали Красную Нерку?

— Черт, знаешь, я как-то не догадался спросить.

Симо кивнул, словно именно такого ответа он и ожидал.

— Я думаю, не меньше полугода. Минимум. И еще столько же, а то и больше, могли торговать с каждой прибрежной деревней Карелии.

— Люди-призраки, ей-богу.

Оперуполномоченный выкинул пустой стаканчик из-под кофе, и одновременно с этим перед моргом остановилось такси. Из машины с растерянным видом вылезла девушка. Спohватившись, она забрала сумочку с заднего сиденья и воззрилась на мужчин.

Симо всмотрелся в нее. На широком лице девушки колебалось нечто среднее между выражением злости и нерешительности. Умная, но не зазнайка. Этаким женственный борец за идею. Очки в металлической оправе — дешевые, но вместе с тем элегантные. Каштановые волосы. Теплые прорезиненные сапожки с заправленными в них джинсами. Горчичного цвета парка и оранжевый свитер.

Назар окинул ее скептическим взглядом и отвернулся. Губы оперуполномоченного шевельнулись, произнес тихое проклятье.

Симо сделал шаг вниз по ступеням и протянул руку.

— Вы из Управления образования?

— Да, все верно. А вы?

Касание девушки, как и ожидалось, было мягким, но в то же время уверенным. Симо ощутил расположение к ней.

— Симо Ильвес, следователь, — отрекомендовался он. — Это Назар Евсеев.

— Тоже следователь?

— Опер. — Уловив в глазах девушки непонимание, Назар с неохотой пояснил: — Оперуполномоченный, уголовный розыск.

— О, хорошо. — Девушка указала на себя рукой и, смутившись, сразу убрала ее. — Ева Ивкова.

— Вы тепло одеты, Ева, — сказал Симо с загадочной улыбкой. — Это хорошо.

— Почему?

— В морге холодно.

— Л-ладно.

Поманив девушку за собой, Симо подошел к тяжелой входной двери городского морга и распахнул ее.

— Не переживайте так. Вам нужно будет взглянуть на фотографии и кое-какие предметы. Лучше сделать это внутри.

— А труп?

— Только если вы будете к этому готовы.

Это предложение полностью устроило Еву, и она заметно расслабилась.

Они зашагали по унылым зеленым коридорам, по которым витал костный душок, похожий на тот, что возникает, когда сверлят зуб. Ева спрятала нос в воротник свитера и постаралась реже дышать.

В западной секционной их поджидал Харинов. Патологоанатом избавился от клеенчатого фартука, перчаток и галош, в которых проводил вскрытие, и теперь сидел на месте парня-регистратора, изучая свежий выпуск «Спорт-экспресса». Увидев гостей, Харинов изобразил пальцами ключик, которым запер себе рот, после чего углубился в изучение спортивных новостей. Стол секционной был пуст: труп неизвестной коченел в одной из камер хранения.

— Присаживайтесь, Ева. — Симо указал на свободный стул, на котором час назад сидел, следя за вскрытием.

Девушка подчинилась и стала покорно ожидать продолжения разговора. Назар поставил перед ней медицинский поднос, подвинув его под свет настольной лампы. По эмалированной поверхности прокатились одиннадцать черных бусин. Следом оперуполномоченный протянул девушке комплект латексных перчаток.

— Что это? — Ева подняла глаза на мужчин.

— Вы нам скажите. — Назар с раздражением упер руки в бока, но быстро передумал и обхватил себя, борясь с ознобом.

Пожав плечами, Ева надела перчатки и указательным пальчиком принялась перекачивать бусины, пытаясь собрать слово, как совсем недавно делал Симо.

Не прошло и минуты, как она отказалась от этой затеи.

— А есть еще что-нибудь? — Ева опять посмотрела на мужчин. — Разуму нужен толчок. Хоть какой-то. Понимаете?

— Предупреждаю, Ева, это может вас шокировать, — сказал Симо.

— Я уже здесь. А это и без того шокирует, не находите?

Симо кивнул Назару, и тот положил рядом с подносом пачку цветных фотографий. Ева ахнула и прикрыла рот ладошкой. Ее глаза при этом походили на две всходящие светло-карие луны, и по мере разглядывания снимков они становились все больше.

Внезапно в Еве произошла разительная перемена. Она вскочила, вцепившись в снимок левого бедра. Вырезанная на плоти надпись вызвала в ее памяти позабытые знания. И эти знания, надо признать, были донельзя неприятными.

— Господи боже! Господи! — Ева отбросила фотографию и принялась с лихорадочной поспешностью выстраивать бусины в ряд.

— Вы что-то узнали? Что это? — Симо ощутил, как возбуждение девушки передалось ему. — Ради бога, не молчите, Ева!

За спиной встревоженного Назара возник Харинов. Глаза патологоанатома неотрывно следили за руками девушки. Газетка смялась.

— Вот, — наконец сказала Ева и сдула прилипшую ко лбу челку.

Все склонились к подносу с бусинами, и Назар с запинками прочитал:

— «Шемхамфораш». — Бусина с буквой «Ф» сдвинулась, и он вернул ее на место зажигалкой. — Шемхамфораш? Это что еще за белиберда?

Симо и Харинов посмотрели на Еву, ожидая объяснений, но просить об этом и не пришлось. Она схватила фотографию, которую взяла первой, и продекларировала:

— «Я спрашиваю суть его Золотого Правила и хочу знать, зачем нужны его девять заповедей!» — Взяв другой снимок, с таким же неполным посланием, она чуть ли не выкрикнула: — «Я смотрю в стеклянный глаз твоего страшного Иеговы и тяну его за бороду; я воздымаю топор и вскрываю его изъеденный червями череп!»!

— Вы знаете это наизусть? — с недоверием спросил Симо. Он взял снимки и убедился, что Ева безошибочно подставила недостающие буквы и слова на плохо читаемые места. Творчество неизвестного садиста стало еще тошнотворнее.

— Это цитаты из «Сатанинской библии». Она же «Черная библия». Написана американцем Антоном Лавеем в шестьдесят девятом¹. А это, — Ева указала на бусины, — имя, восхваляющее семьдесят двух демонов.

— Иисусе, у меня сейчас голова к чертям взорвется, — пробормотал Назар.

Образ Регины, вставший на миг перед глазами Евы, возмущенно ахнул, услышав, как Иисуса поминают всуе. Мотнув головой, девушка сказала:

¹ Это правда. В 1969 году некий Антон Шандор Лавей, основатель Церкви Сатаны, написал указанный труд, позиционируя его как настольную книгу сатаниста.

— В привычном смысле — в еврейском, если угодно, — Шемхамфораш означает «семидесятидвухкратное имя Бога». Но, согласно Лавею, это слово означает падших ангелов.

— Погодите-погодите. Одиннадцать букв на семьдесят два имени? — Харинов выглядел обескураженным не меньше остальных.

— И их описания можно найти в «Малом Ключе Соломона», — подтвердила Ева. Ее глаза искрились от восторга.

В висках возникла ноющая боль, и Симо помассировал их указательными пальцами.

— Ева, как думаете, этот Лавей мог недавно посетить наши края и наплодить здесь последователей?

— Нет. — Ева поморщилась, пытаясь кое-что припомнить. — Лавей умер в девяносто седьмом, оставив после себя тысячи осиротевших последователей. Но в сатанизме нет четких граней, поэтому могло быть и наоборот.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что верховный жрец Церкви Сатаны в прошлом мог и сам приникнуть к истоку, если бы тот находился где-то здесь.

— Господи...

Симо присел на свободный стул, оперся локтями на столик и сцепил пальцы в замок. Мысли были словно чужими. Казалось, принять верное решение попросту невозможно. «Сколько на чертовом острове может скрываться людей? Два человека? Десять? Может быть, все сто? — Он вспомнил про список. — Таблеток там на целую роту, это правда, а вот сапог всего пять пар. Всего-то? — И сам себе ответил: — Да, всего-то».

— Ладно, завтра мы наведаемся на Сирены Амая, — наконец промолвил Симо. — Думаю, обойдемся малыми силами.

— Без разведки больших и не дадут, — хмыкнул Назар.

— Что это за место? — Ева не сводила глаз со следователя.

— Остров, на который указывают кое-какие данные.

Установившееся молчание нарушило покашливание. Все посмотрели на Харинова.

— А скажите-ка мне, друзья: Лина войдет в состав группы? — как-то чересчур вежливо поинтересовался патологоанатом.

— Криминалист отправится с нами обязательно. — Симо уже догадывался, куда клонит прохвост. — Тело осматривала Щурова — вероятно, она и поедет. А что такое, Боря? Амур жмет?

— Нет, конечно. Но запишите-ка и меня. Вам ведь понадобится медик, так? К тому же я ничего не боюсь.

— Ты не боишься трупов, кот Борис, — справедливо заметил Назар. — А тут живые люди. Совсем другое дело, да?

— Почему другое? — возразил Харинов, ничуть не обидевшись на «кота». — Все мы — трупы, разве нет? А если там будет такая же девочка, как эта, но полуживая? Какую помощь вы ей окажете?

— Ладно, медик нам действительно может пригодиться, — согласился Симо, и патологоанатом просиял.

Ева наблюдала за этим разговором с открытым ртом. Перед глазами опять возникла Регина. На сей раз начальница учебно-методического отдела хохотала и тыкала в Еву пальцем. «Что, обскакали мы тебя с Иису-

сом? — визжала эта фантомная версия. — Ничего ты не добьешься, потому что есть только Он. Или хочешь выложиться на все сто, чтобы потом взгреть меня? Ну попробуй, а мы с Иисусом полюбуемся».

— Я отправлюсь с вами, — твердо заявила Ева. — Буду помогать на Сиренах Амая.

— Я против, — быстро вставил Назар. — С ума сойти! А больше никто не желает?

— Ева, вы хоть понимаете, как могут быть опасны люди, сотворившие это? — Симо испытующе посмотрел на девушку.

— Вероятно, я единственная, кто по-настоящему понимает, насколько они опасны. А вы?

Симо взглянул на выложенное слово. Осталось только «ШЕМХАМ... ОРАШ», потому что буква «Ф» все-таки откатилась. Да, без посторонней помощи они бы не узнали про семидесяти-какое-то-там имя и все остальное. Только на Сиренах Амая вряд ли придется складывать буквы. И все же...

— Ваши знания и впрямь могут быть полезными, Ева, но мне нужно этот вопрос согласовать. Возможны трудности.

Но трудностей не возникло, и уже к семи вечера был утвержден состав группы, которой предстояло назавтра отправиться на Сирены Амая.

10. ЗАПОЗДАЛОЕ ОЗАРЕНИЕ

Марьятта с облегчением стянула сорочку, задубевшую от соли на спине и в области подмышек, и швырнула ее в ворох грязной одежды. Рубашка со следами

крови затерялась среди остальных вещей. Переживать об этом не стоило: одежда все равно была общей, и вряд ли кто-нибудь расстроится, обнаружив на сорочке плохо отстиравшееся розовое пятнышко.

Рядом толкались полуголые мужчины — липкие и остро пахнущие, как сумасшедшие животные, которые весь день гнались за солнцем. И животные планировали смыть с себя пот и грязь. За окнами предбанника, разделенными переплетами на четыре части, набирал силу красный цвет заката, выкрашивая низкие домики общины в кровоточащие алтари гигантов.

Чей-то локоть задел Марьятту, и она едва не задохнулась. Боль, пронзившая круг рубцов там, где раньше находилась правая грудь, отдалась в глазах ослепительной белой вспышкой.

Первые мужчины уже заходили в Зал Омовения, и их лоснящиеся от пота фигурки исчезали в полумраке. Промелькнул Юсси, и Марьятта опять задалась вопросом: как ему, с изогнутыми позвонками, удастся держаться прямо? Под кожей парня словно обитала длинная суставчатая змея. Вытянись такая до конца, и голова Юсси болталась бы не на шее, а на тонком стебельке.

Помявшись, Марьятта отправилась вместе с остальными.

В Зале Омовения, представлявшем собой вытянутое полутемное помещение метров сорока длины, плясали огоньки. Самые крупные блики света высвечивали три каменные печи, нагревавшие зал и пресную воду, подававшуюся по трубам с помощью ручных насосов из артезианской скважины за общиной. Огоньки поменьше давали десятки свечей, расставленные под матовыми стеклянными колпаками на полках.

В груди Марьятты похолодело, когда она наткнулась взглядом на статую Красного Амая, стоявшую в центре Зала Омовения. Подземный бог, сотворенный из темного лавового камня, следил за своей паствой даже здесь.

Общими чертами Амай напоминал человека: две руки, две ноги, одна голова. Дальше наступал черед зловещих различий, призванных устрашать и покорять души. Перекрученные асимметричные рога. Козья морда. В области паха — натуралистичные penis и вульва; причем вульва находилась выше, словно нераскрытый вертикальный третий глаз.

Поговаривали, статую вытолкал из себя остров, как те камни на поле. Но кто верил в эту сказку на самом деле? Не Марьятта, это уж точно. А еще казалось, статую искусал кто-то крошечный и очень злобный. Плечи, плотный торс, даже рога — все несло отпечаток чьих-то острых зубок. Это лишь закрепляло в сознании наблюдателя образ Красного Амая — жестокий и двойственный.

Пройдя около десяти метров вглубь зала, Марьятта беспомощно замерла, не зная, куда себя деть. Закон запрещал мыться самой, потому что «уладу и очищение приносили только чужие касания».

Помимо Марьятты в общине были и другие экотаоны, признанные в разное время недоженщинами. Все они находились здесь, в Зале Омовения. Они могли бы помочь друг другу. Девушка еще помнила прежние имена некоторых из них: Мария, Лотта, Элла, Аники. Но клубы пара мешали найти их, а шляться без дела было опасно.

— Я тебя помою, — раздался бодрый голос.

Юсси. Беззаботно улыбаясь, он держал в руках банную шайку с горячей водой и мочалкой, пускавшей мутные разводы. Марьятта едва не разрыдалась от облегчения. Раньше она мылась с женщинами, будучи одной из них, но потом все изменилось... все так сильно изменилось.

Да, мужчины тоже ее мыли, как мыли себе подобного, но только потому, что Амай требовал чистоты даже от таких, как она. Но до того приходилось долго стоять, унижительно пялясь в пол, ожидая, пока за нее хоть кто-нибудь примется.

— Спасибо, Юсси, — прошептала она.

— Красный Амай запрещает благодарности, — сурово сказал Юсси и улыбнулся, смягчая сказанное: — Не стесняйся, мой других, и чистота найдет твое тело.

«“Чистота” уже нашла мое тело, — с горечью подумала Марьятта. — Разве ты не видишь, Юсси? Я чиста настолько, насколько это возможно. И если быть собой означает быть грязной, то я желаю забиться в самый дальний уголок этого острова».

Клубы пара чуть схлынули, и на глаза попались Мария и Лотта. Экотаоны равнодушно отмывали двух грязных животных, не стесняясь касаться их пенисов. Но делали это скупыми движениями, будто отбывая ненавистную повинность. Впрочем, повинностью это и было.

Горячая вода полилась Марьятте на грудь, и она с наслаждением закрыла глаза. А когда открыла их, то заметила у второй печи Вирпи. Обладательница черных глаз следила за огнем. Ее главный атрибут, широкополая шляпка с лентами, остался где-то снаружи этой огромной бани. Рабочий сарафан, промокший от пота и влаги, обвис.